

Н.А. Лейкин

По северу дикому

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Н11

Н11 **Н.А. Лейкин**
По северу дикому / Н.А. Лейкин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 243 с.

ISBN 978-5-458-41414-2

Издание 2-е. Первая часть: Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Книга подробно знакомит читателей с архитектурой Архангельска, планировкой, особое внимание уделяется его жителям. Вторая часть книги посвящена поездке на водопад Кивач (тогда Олонецкая губерния).

ISBN 978-5-458-41414-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

разенныхъ лѣсовъ и нѣсколько разъ ѣздилъ на
ихъ пароходахъ.

Таковъ былъ разговоръ. Всѣ что-то слышали
очень неодобрительное про пути на сѣверъ Россіи,
но сами ихъ не испытали.

Не взирая на такой разговоръ, мысль сдѣлать
прогулку на Сѣверъ укрѣпилась во мнѣ, и я рѣ-
шилъ нынѣшнимъ-же лѣтомъ испытать два пути
въ Архангельскъ—водный и желѣзнодорожный. Къ
тому-же въ книжныхъ магазинахъ появился въ про-
дажѣ „Путеводитель по сѣверу Россіи“. Я тотчасъ-
же купилъ его, просмотрѣлъ и ничего въ немъ
неодобрительнаго о путяхъ сообщенія не нашлъ.
Напротивъ, и желѣзная дорога, и пароходство по
Сѣверной Двинѣ и вокругъ Мурманскаго берега
расхваливались, самыми заманчивыми красками опи-
сывалось путешествіе, историческіе памятники,
встрѣчающіеся на пути, картины природы и пр.

Путеводитель этотъ составленъ Д. Н. Остров-
скимъ, нынѣшнимъ архангельскимъ вице-губерна-
торомъ, очень обстоятельно, полно и интереснхъ
свѣдѣній, снабженъ подробными картами сѣвера
Россіи и изданъ, кстати сказать, совсѣмъ изящно,
такъ что книжечка напоминаетъ собой иностран-
ныя изданія путеводителей.

Путеводитель совѣтовалъ отправиться въ путе-
шествіе на Сѣверъ въ концѣ мая или въ началѣ
іюня, дабы воспользоваться не успѣвшей еще спастъ
водой въ рѣкахъ, а также—сѣверными бѣлыми но-
чами и видѣть не заходящее солнце. Я назначилъ

днемъ своего отъезда изъ Петербурга 10-е іюня. Въ путешествіи скучно одному. Но у меня пашелся и спутникъ, мой собратъ по перу К. С. Баранцевичъ, съ которымъ я сговорился заранѣе. Опъ такъ же, какъ и я, поѣхалъ недѣли на двѣ отдохнуть въ пути. Соображаясь съ Путеводителемъ, мы полагали, что въ теченіе двухъ недѣль мы не только успѣемъ проѣхать до Архангельска воднымъ путемъ и вернуться въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, но изъ Архангельска побывать и въ Соловецкѣ на Бѣломъ морѣ, и по приѣздѣ въ Архангельскъ увидали, что ошиблись. Опытъ показалъ, что на посѣщеніе изъ Петербурга Соловецка нужно не менѣе трехъ недѣль, и то если приходящіе поѣзда будутъ сходиться съ отправленіемъ въ путь пароходовъ и наоборотъ, чего достигнуть почти невозможно.

10 іюня мы отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ черезъ Бологое на Рыбинскъ и Урславль, а оттуда на Вологду. Есть поѣзда прямого сообщенія до Рыбинска, но мы въ такой поѣздъ не попали—и хорошо, что судьба уберегла насъ отъ него хоть въ одинъ конецъ. Въ поѣзда прямого сообщенія стремятся всѣ попасть, чтобы не пересаживаться на пути изъ вагона въ вагонъ—и вотъ вслѣдствіе этого поѣзда эти переполняются до невозможности. Въ поѣздѣ прямого сообщенія мы возвращались въ Петербургъ изъ Рыбинска, и вагоны перваго и втораго класса были до того набиты пассажирами, что кто успѣлъ усѣсться на

скамейкѣ четвертымъ, тотъ считалъ себя счастливымъ, а нѣкоторымъ пришлось стоять или сидѣть на своихъ чемоданахъ. И такъ всю дорогу. Пассажиры, кончавшіе путь на промежуточныхъ станціяхъ, тотчасъ-же замѣщались новыми. Лучше просидѣть на станціи Бологое въ буфетѣ четыре часа и пробродить на станціи въ Рыбинскѣ три часа въ ожиданіи отправленія поѣзда въ Ярославль, какъ это было съ нами, когда мы ѣхали не въ поѣздѣ прямого сообщенія, чѣмъ тѣсниться въ вагонѣ въ духотѣ и не имѣть возможности не только прилечь, но даже ноги протянуть. Въ простыхъ-же поѣздахъ мы сидѣли вполнѣ свободно, имѣли отдѣльное купе, пили всю дорогу чай, который заваривали на станціяхъ въ своемъ чайникѣ, и благодумствовали, лежа каждый на отдѣльномъ диванѣ враспяжку.

Пишу это для свѣдѣнія отправляющихся въ Рыбинскъ. Мнѣ могутъ возразить, что можно взять мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Но на Рыбинско-Бологовской дорогѣ билетовъ въ спальномъ вагонѣ не выдается, хотя въ нашемъ поѣздѣ и ѣхалъ вагонъ второго класса съ надписью на немъ „спальный“.

Итакъ, путь отъ Петербурга до Рыбинска мы сдѣлали въ простомъ пассажирскомъ поѣздѣ вполнѣ комфортабельно, попивалъ чай, завусмывая и изучая желѣзнодорожный „Спутникъ“ Ланцера и „Путеводитель по сѣверу Россіи“, нужды нѣтъ, что у насъ раза четыре или пять осматривали наши билеты. Къ намъ въ купе дѣлали визиты цѣлыя депутаціи, состояція изъ ревизора, кондуктора и

оберъ-кондуктора. Билеты и тщательно, и подозрительно осматривались со всѣхъ сторонъ. Ихъ чуть не нюхали и, наконецъ, какъ-бы не-хотя простригали.

Въ 11 часовъ вечера мы прибыли въ Бологое и засѣли въ буфетной комнатѣ. Поѣздъ въ Рыбинскъ отходилъ только въ 3 часа ночи. Мы занялись наблюдениемъ желѣзно-дорожно-буфетныхъ нравовъ.

II.

Ожидающихъ въ Бологое рыбинскій поѣздъ и пріѣхавшихъ съ нами было человекъ десять, большей частью дамы. Дамы тотчасъ-же направились въ дамскую комнату, по сейчасъ-же оттуда стали выходить обратно.

— Маленькая комната и занята, — жаловалась мнѣ одна дама съ дѣвочкой лѣтъ двухъ. — Всего два дивана въ комнатѣ и на нихъ разлеглись какія-то двѣ толстухи, снявъ съ себя все до бѣлья и укрывшись пледами. Начала я умывать дѣвочку — въ претензіи, зачѣмъ шумимъ.

Имѣется на станціи и мужская комната для пассажировъ перваго и втораго класса. К. С. Баранцевичъ отправился туда тоже поискать мѣста прилечь, но тоже тотчасъ-же вернулсѣ.

— Все занято, — сказалъ онъ мнѣ. — Спать враспяжку и по виду совсѣмъ не представляютъ изъ

себя пассажировъ двухъ первыхъ классовъ, а скорѣй мелкіе желѣзнодорожныя служащіе.

Отъ нечего дѣлать мы стали пить чай. Станція была освѣщена только на половину, то-есть былъ освѣщенъ столъ, на которомъ стояли на металлическихъ блюдахъ порціи изъ телятины: отбивныя котлеты, рубленныя котлеты, грудинка, печенка, да и тутъ освѣщеніе гасилось, какъ только уходилъ отъ станціи поѣздъ, и оставались только двѣ лампы на все громадное станціонное зало. Экономію наводили тщательно. Дѣлали это очень оригинально.

Пока мы сидѣли на станціи, черезъ Бологое изъ Петербурга и Москвы прошло поѣздовъ пять-шесть, и каждый разъ послѣ ухода поѣзда гасились огни. Выходило это такъ: какъ только семафоръ давалъ знать, что сейчасъ прибудетъ поѣздъ, изъ кухоннаго помѣщенія выходилъ усатый поваръ въ бѣлой фуражкѣ и бѣлой курткѣ съ наборомъ ножей въ ножнахъ за поясомъ. Сзади его открывалось цѣлое шествіе. Четыре или пять сонныхъ офиціантовъ несли по металлическому блюду съ порціями, прикрытыми металлическими-же колпаками, снимали колпаки и ставили блюда на металлические таганы, подъ которыми стояли потухшія спиртовыя лампочки. Старшій офиціантъ въ то же время зажигалъ свѣчи и керосиновыя лампы на столѣ, оставляя спиртовыя лампочки потухшими. Поваръ-же, вооружившись ложкой, освѣжалъ зачерствѣвшія въ кухнѣ на плитѣ порціи соусомъ, черпая его для всѣхъ родовъ вушанья изъ одного и того-же соус-

ника, и перемѣшивалъ приправу—картофель и макароны, помѣщавшіеся въ латочкахъ. Просыпался буфетчикъ, дремавшій за буфетной стойкой на стулѣ, и выставлялъ на длинный мѣдный подносъ двѣ или три пустыя рюмки. Выбѣгала изъ дамской комнаты заспанная барышня-книжница и быстро отворяла шкапчикъ съ продающимися книгами, при чемъ будила спавшаго тутъ-же на деревянномъ диванѣ мальчика-газетчика. Тотъ вскакивалъ, зѣвалъ, надѣвалъ форменную фуражку съ мѣдной бляжкой, хваталъ свою камышевую выставку съ газетами и журналами и направлялся на платформу продавать ихъ.

Но вотъ простучалъ и прошипѣлъ поѣздъ и остановился. Первый звонокъ. Въ станціонное зало входятъ три, четыре позѣвывающіе и покачивающіеся отъ вагонной тряски пассажира, бродятъ какъ мухи около стола, останавливаются противъ повара и тупо смотрятъ на него и на освѣженныя подливкой порціи. Поваръ, ожидая приказаній положить что-нибудь для пассажира на тарелку, вооружается тарелкой и вилкой, но пассажиръ быстро отвертывается отъ него и, подойдя къ буфетной стойкѣ, требуетъ водки, которую и проглатываетъ, закусивъ корочкой хлѣба.

Рѣдко кто спрашивалъ себѣ ночью порцію чего-нибудь и поспѣшно съѣдалъ ее. Всѣ вышедшіе въ буфетъ ограничивались рюмкой водки, бутылкой сельтерской воды или покупали коробокъ спичекъ. Барышня раскладывала книги на полочкѣ, на нихъ

смотрѣли, перелистывали ихъ, но никто не покупалъ.

Третій звонокъ. Дребезжащій свистокъ кондуктора, дивній свистокъ паровоза, и поѣздъ отходитъ отъ станціи. Старшій офиціантъ гаситъ лампы и свѣчи, поваръ удаляется въ кухню, а сзади него четыре или пять офиціантовъ тащатъ на плиту покрытыя колпаками металлическія блюда съ порціямп.

— Что продалъ?—спрашиваетъ барышня-книжница возвратившагося съ платформы мальчика-газетчика.

Барышня зѣваетъ, запираетъ книжный шкафъ и удаляется въ дамскую комнату прилечь.

Черезъ часъ опять то же самое.

Бѣдная барышня! Ни днемъ, ни ночью покоя. И все это за двадцать рублей въ мѣсяцъ. Поинтересовавшись, какія книги больше продаются въ шкапчикѣ, я подошелъ къ ней и сталъ ее расспрашивать и встати узналъ о жалованьѣ ея.

— Вѣдь бѣдующіе по дорогѣ очень мало у насъ покупаютъ,—сказала она мнѣ.—А главные наши покупатели здѣшніе жители, проживающіе въ Бологое. Вѣдь выписывать дороже. Надо за пересылку платить. А здѣсь они прямо мнѣ заказываютъ, чего у меня нѣтъ. Я пишу и мнѣ высылаютъ для нихъ.

Поинтересовался я, что мальчикъ-газетчикъ получаетъ. Оказалось, что получаетъ онъ только пять рублей въ мѣсяцъ.

По Сѣверу дикому.

— Ему лучше меня живется,— кивнула на него барышня.— Хорошіе господа, покупал у него газеты, двѣ-три копѣйки сдачи ему на пряники оставляють, а я при одномъ жалованьѣ.

Петербургскій поѣздъ прямого сообщенія на Рыбинскъ опоздалъ. Онъ долженъ былъ придти въ Бологое въ 2 ч. 15 м. ночи, а пришелъ послѣ трехъ часовъ и тотчасъ-же отправился въ Рыбинскъ, какъ только усѣлись въ него пассажиры.

Я и мой товарищъ очутились въ вагонѣ, переполненномъ пассажирами. Мало кто спалъ враспяжку и то только наверху, поднявъ спинку дивана. Большинство-же дремало на нижнихъ скамейкахъ, сидя, уткнувъ носы въ уголь. Я помѣстился въ креслѣ у окна. Духота была страшная. Лишь только я отворилъ окно, какъ на верхней скамейкѣ кто-то, поднявшись сфинксомъ, заговорилъ:

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, закройте. У меня и такъ морскимъ канатомъ одно ухо заткнуто, а спать при открытомъ окнѣ, такъ къ утру и второе заткнешь.

— Да вѣдь жара, духота...

— Въ жару-то и надо опасаться сквозного вѣтра.

Заплакала маленькая дѣвочка, ѣхавшая съ молодой дамой. Дама принялась ее укачивать. Дѣвочка не унималась. Пассажиръ на верхней койкѣ опять приподнялся сфинксомъ и изъ устъ его послышалось:

— Ъздаютъ съ ребятами и только людей тревожатъ. Съ ребятами надо дома сидѣть.

Мой товарищъ по путешествію попалъ на мѣсто среди дамъ. Дамы рядомъ и дамы напротивъ. Онъ возымѣли явное намѣреніе выжить его. Я слышалъ, какъ полная дама, отъ которой такъ и несло гофманскими каплями, говорила ему:

— Вамъ-бы пересѣсть вонъ на ту скамейку, къ мужчинамъ. Тамъ двое сидятъ, но зато та скамейка длиннѣе.

Товарищъ молчалъ и даже притворился спящимъ.

— Третью ночь ѣду и уснуть не могу...—продолжала дама, пахнувшая гофманскими каплями, обращаясь къ другой дамѣ, сидѣвшей противъ нея.—Голова треснуть хочетъ. Ни одеколонъ, ни гофманскія капли не помогаютъ. Я изъ К* ѣду. Мой мужъ прокуроръ. Въ К* я помѣстилась въ вагонѣ отлично.

— Не хотите-ли валерьяновхъ капель?—предложила ей сосѣдка.—Можетъ быть это васъ успокоитъ.

— Ахъ, дайте пожалуйста. Въ К* я помѣстилась въ вагонѣ отлично... Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. И что это скупятся на вагоны? Развѣ можно вонять публику въ такой тѣснотѣ!

Запахло валерьяновыми каплями.

— Мой мужъ прокуроръ, а братъ мой судебный слѣдователь, дверь—членъ суда. Наша семья прямо юридическая, но всѣ по разнымъ городамъ...—продолжала дама и душила воздухъ валерьяной.—Послушайте,—обратилась она къ моему товарищу,—отчего-бы намъ не прибѣгнуть къ слѣдующей комбинаціи? Вы поднли-бы спивку дивана и легли-бы

наверхъ, а меня пустили-бы протянуться на нижней скамейкѣ.

Товарищъ по прежнему молчалъ. Я отлично сплю сидя и засыпалъ въ креслѣ.

Когда я проснулся, голова моего товарища виднѣлась вверху на приподнятой спинкѣ дивана. Смѣсь-ли запаха валерьяновыхъ капель съ гофманскими на него подѣйствовала, или изъ уваженія въ юридической семьѣ, но онъ послушался даму, залѣзъ подъ потолокъ вагона и спалъ тамъ. А дама, растянувшись на нижнемъ диванѣ, покуривала папироску и такъ и тараторила съ сосѣдкой.

Слышалось:

— Вы Скрипуновыхъ знаете въ Б*. уѣздѣ?

— Какъ-же, какъ-же.. Еликанида Андреевна... Вѣдь она глава въ домѣ, а мужъ у ней подъ башмакомъ. Первая франтиха.. На наряды ничего не жалѣетъ, но по дому первая сквалыжница. Мужа и себя на бараньемъ супѣ съ кашей держитъ. Фуптъ осетрины мужъ кушитъ, такъ она за разореніе себѣ считаетъ. Ругаетъ его, ругаетъ и уняться не можетъ.

— Да что вы!

— Вѣрно, вѣрно. Подсолнечнымъ масломъ салать заправляютъ, потому что прованское дорого стоитъ. А за шляпку двадцать пять рублей заплатить ей ничего не значить.

Въ вагонъ вошла ревизія.

— Билеты ваши приготовьте!—возгласилъ кондукторъ.